

Хуа Чжао шла посредине, ее ноздри вбирали легкий аромат травы и земли, а растерянность, что столько дней давила на сердце, в такой безмятежной пейзажной тишине незаметно рассеялась.

Она больше не сжимала то и дело золотой замок на груди, а изредка поднимала взгляд на раскинувшиеся холмистые горы. Цин У шагала рядом, ступая размеренно и не говоря лишнего, но неизменно оставляла для нее самое безопасное место. Вэнь Чжиюй шла сбоку, то и дело привлеченная распускившимися у дороги полевыми цветами, останавливалась, чтобы слегка их понюхать, а ее лицо было исполнено мягкости. Су Цинъя по-прежнему держалась сдержанно, но когда они проходили по ровной траве, подсознательно замедляла шаг, позволяя остальным немного передохнуть. Гу Юньхао же молча шел с внешней стороны, бдительно осматриваясь по сторонам и охраняя путников в их дороге.

В полдень все пятеро добрались до небольшого городка, пристроившегося у подножия горы. Дороги из синеватого камня были отшлифованы временем до гладкости и чистоты, деревянные дома по обеим сторонам теснились в беспорядочном порядке, а под карнизами висели золотистые початки кукурузы, ярко-красный перец и связки целебных трав, создавая живую атмосферу человеческого тепла. На улице то тут, то там раздавались крики уличных торговцев, при открывании пароварок клубился густой белый пар, а аромат сладких клейких рисовых пирожков бил в нос, вызывая легкий аппетит.

Они отыскивали неприметный ресторанчик, чтобы перевести дух. Хозяевами оказалась простая пожилая пара; увидев, что перед ними странствующие заклинатели, они не только не отделились, но, напротив, проявили необычайное радушие. Еда оказалась простой и скромной, но свежей и вкусной: ароматный рис, освежающая дикая зелень, теплый грибной суп. Стоило проглотить хоть ложку, как дорожная усталость рассеивалась больше чем наполовину. Заметив, как тяжело путешественникам дается дорога, старики вдобавок угостили их тарелочкой домашних солений и, широко улыбаясь, произвели напутствие:

— В дальнем пути сытно поесть и тепло одеться — важнее всего остального.

За трапезой старый дровосек за соседним столиком завел с ними непринужденную беседу. Кожа старика была темной, ладони — грубыми, но взгляд — исключительно добрым. Он подробно объяснил им состояние горных троп в окрестностях: какая речка течет с самой сладкой водой, где подниматься на склон труднее всего, а в каком лесу меньше всего диких зверей, — рассказывал все обстоятельно и серьезно, пункт за пунктом. Перед уходом старик не забыл оглянуться и предупредить:

— Нынче в мире неспокойно, вы, молодежь, берегите себя, нет ничего важнее безопасности.

Несколько простых слов заставили сердца путников запылать.

Хуа Чжао опустила взгляд на теплую похлебку в пиале и вдруг отчетливо поняла: разве не ради этой простой и мирной человеческой жизни они идут путем самосовершенствования, рубят нечисть и истребляют демонов? Простые люди не ведают духовной магии и заклинаний,

они лишь берегут свой крошечный клочок мира, живут честной жизнью и искренне относятся к ближним. Эта незатейливая доброта драгоценнее любых сокровищ.

Когда они покидали городок, старики силой засунули им в мешки с десятков только что приготовленных рисовых пирожков — горячих, источающих сладкий аромат.

Солнце клонилось к закату, окрашивая горизонт в теплые оранжево-красные тона. Пятеро путников шли под сгущающимися сумерками: позади остался шумный и тихий городок, а впереди простиралась уходящая вдаль горная тропа. В мешках лежали горячие рисовые пирожки, рядом шли верные спутники, а в самом ветре таилось нежное дыхание.

На этом пути не было ни бурь, ни опасностей, зато было тепло, которое запомнится надолго.

Хуа Чжао тихонько вдохнула, растерянность в глубине ее глаз рассеялась еще сильнее, а на смену ей пришло легкое, едва заметное умиротворение.

Каким бы ни было ее происхождение и куда бы ни вела дорога, она больше не была одинока.

Покинув городок, пятеро продолжили путь по большой дороге. Вдоль тракта дикая природа сменялась деревнями, пейзажи переливались гранями, и они преодолели еще два дня спокойного пути. Тело после очищения духовным источником стало легким и свободным, даже долгие пешие переходы не вызывали ни малейшей усталости, а в прохладном ветерке и среди трав ум становился все более безмятежным. Казалось, будто прежняя растерянность и тревога, гнездившиеся в сердце, были постепенно развеяны этим мягким горным ветром.

Днем они проходили мимо бескрайних полей; как раз выдалась пора сельскохозяйственных хлопот, и на пашнях то тут, то там виднелись согбенные фигуры крестьян. Завидев их мирно и вежливо шествующих путников, некоторые крестьяне даже останавливали работу и с улыбкой приветствовали их:

— Детишки, идите тише!

В их взглядах читались простота и искренность.

Изредка проходя мимо деревенских окраин, играющие детишки с любопытством оборачивались: их глаза были чистыми и ясными, без тени испуга. Вэнь Чжуй, заметив это, неизменно останавливалась и мягко улыбалась малышам, а те с хохотом разбегались, и их звонкий смех, подобный журчанию горного родника, отдавался в сердцах приятной мягкостью.

Су Цинья по-прежнему говорила мало и выглядела холодно, но в мелочах таилась ее забота. Встретив у дороги согбенного старика с тяжелой вязанкой дров, она незаметно взмахивала рукой и легким движением духовной энергии поддерживала конец хвороста, облегчая старику ношу. Тот растерянно озираясь по сторонам, чувствуя, как плечам вдруг стало легко, и без

устали благодарил пустоту:

— Ох ты ж, добрые люди встретились!

Она же давно поворачивала, чтобы догнать остальных, шла бесшумно, но в ее глазах и на губах уже угасало прежнее отчужденное холодное выражение.

Гу Юньхао по-прежнему был немногословен, но проявлял больше заботы, чем кто-либо другой. На каждом сложном участке пути он неизменно шел вперед, чтобы разведать обстановку, и лишь убедившись в безопасности и надежности, подавал знак рукой, позволяя всем двигаться дальше. Его выдержка и надежность дарили людям душевное спокойствие.

Цин У неотступно шла рядом с Хуа Чжао — не слишком близко, но и не далеко, не докучая лишними разговорами, но стоило той слегка погрузиться в себя или пасть духом, как она непременно заговаривала о забавных особенностях горных трав или называла имена придорожных цветов, ненавязчиво рассеивая тучи в ее душе. Хуа Чжао смотрела на поднимающиеся вдали клубы дыма от очагов и вдруг тихо вздыхала. Раньше она из всех сил стремилась узнать, кто она такая, но сейчас, стоя среди этого мирного человеческого уюта, она почему-то жалела расставаться с такими простыми днями. Тот самый золотой замок, что она носила у сердца с самого детства, по-прежнему тихо соприкасался с грудью, но тяжелое бремя растерянности уже понемногу таяло в тепле земной жизни.

Вечером они нашли для отдыха беседку у воды. Она была построена у самого ручья, со всех четырех сторон обдуваемая ветром, и лунный свет мягко падал на гладь воды, переливаясь рябью, словно кто-то рассыпал горсть серебряных осколков. Ночной ветерок тянул прохладой, и Хуа Чжао невольно запахла рукава, а в носу отчего-то защекотало. Заметив это, Цин У молча подбросила в костер еще сухих веток, чтобы пламя разгорелось ярче.

Днем, проходя мимо небольшой деревушки, одна пожилая женщина, пожалев их странников, настойчиво сунула им в дорогу несколько только что выкопанных из земли сладких клубней батата со словами:

— В пути холодно, спрячьте за пазуху горяченькое, оно пригодится!

Сейчас эти клубни запекались в углях затухающего костра.

Вскоре по округе разнесся сладкий, клейкий аромат, согревая всех изнутри.

Они разделили печеный батат — горячий, мягкий и сладкий. Не было изысканных блюд и комфортных покоев, но вот так сидя вокруг костра, слушая журчание ручья и любуясь мерцанием звезд на небе, они чувствовали себя куда спокойнее и уютнее, чем на любом пиру.

Хуа Чжао держала в ладонях теплый батат, ощущая исходящее от него тепло, и вдруг тихо

произнесла:

— Кажется, такая жизнь тоже очень хороша.

Цин У посмотрела на нее мягким взглядом, ее голос прозвучал тихо и плавно:

— Когда рассеется демоническая Ци и в Поднебесной воцарится мир, такие дни будут всегда.

Вэнь Чжиюй прислонилась к столбу беседки и с улыбкой посмотрела на лунный свет:

— Куда бы мы ни отправились в будущем, звездный свет и этот батат сегодняшнего вечера я не забуду.

Су Цинъя слегка кивнула и, неожиданно для себя заговорив, произнесла ровно и серьезно:

— Вот так проводить время в тишине лучше всего на свете.

Гу Юньхао глянул на пляшущие языки пламени и бросил коротко:

— Только то, что удастся защитить, зовется спокойствием.

Хуа Чжао опустила голову, глядя на запеченный до тепла батат в руке, а затем мягко перевела взгляд на каждого из спутников.

Она вдруг осознала: то, к чему она стремилась все это время, никогда не сводилось лишь к поискам собственного происхождения.

Когда рядом есть спутники и защитники, когда можно услышать живой голос людей и опереться на чье-то тепло — это и есть лучший приют в подлунном мире.

Костер потрескивал, звездный свет устимал водную бесединку, а ночной ветерок с ароматом зелени нежно оведал их.

В эту ночь не было ни опасностей, ни тайн, ни распрей — только огонь звезд, ночной ветер, верные товарищи и нежность, которой суждено запечатлеться в памяти на всю жизнь.

Мирный человеческий путь в одно мгновение разбился о внезапно обрушившийся кошмар.

Пятеро путников по старой памяти вступили в ту самую горную деревушку, что дарила Хуа Чжао столько тепла. Но стоило им приблизиться к окраине, как пронзительный холод оплел их

сердца еще раньше.

Под старой софой бабушка Ван была намертво привязана черной демонической Ци к стволу дерева, ее волосы растрепались, лицо побелело как бумага, а дыхание едва теплилось. В ту минуту, когда старуха увидела Хуа Чжао, ее потухшие глаза на миг вспыхнули, но тут же вновь затянулись глубокой тревогой.

А перед ней стоял мужчина в черных одеждах и с иссиня-черными волосами.

Его черты лица были красивы почти до демонического изящества, но от всего его облика веяло ледяным острием демонической Ци, а в глазах не было ни капли человечности — лишь холодный расчет и жажда убийства.

Шаги Хуа Чжао резко замерли, а сердце сжалось так, будто его сдавила чья-то невидимая рука.

— Бабушка...

Молодой господин расы демонов Е Цзинь медленно поднял глаза, и его взгляд безошибочно упал на золотой замок у нее на груди, а голос прозвучал легко, но с жестокой и леденящей душу насмешкой:

— Отдай мне золотой замок, что при тебе. Я знаю, в нем сокрыт исток твоей древней крови, и стоит ему пробудиться, как великий замысел моей расы демонов, вынашиваемый веками, будет окончательно разрушен.

Цин У мгновенно заслонила Хуа Чжао собой, ее духовная сила взметнулась вверх, а голос прозвучал холодно и сурово:

— Брать в заложники безоружного смертного — верх низости!

— Низости? — молодой господин легко усмехнулся, демоническая Ци чуть сжалась, и бабушка Ван тут же застонала от боли, ее тело затряслось в судорогах. — Ваши учителя не выдерживали и удара моих рук; если бы не эта старуха, выманившая тебя наружу, когда бы я еще добыл этот замок?

Бабушка Ван изо всех сил собрала последние оставшиеся крохи мощи, подняла непрерывно дрожащую руку и принялась отчаянно мотать головой в сторону Хуа Чжао, а ее хриплый голос прозвучал с необычайной твердостью:

— Девочка... не отдавай... Этот замок — твоя жизнь... Ни в коем случае не отдавай его...

Слезы Хуа Чжао хлынули из глаз в тот же миг.

Бабушка Ван была для нее едва ли не единственным источником тепла в этом мире, самым дорогим воспоминанием среди человеческой суеты, человеком, ради которого она была готова отказаться от всего на свете. Как могла она смотреть на мучительную смерть старухи?

— Я отдам его тебе, — ее голос дрожал, но каждое слово звучало отчетливо. — Отпусти бабушку, я отдам тебе всё.

— Хуа Чжао, нельзя! — испуганно выкрикнула Цин У.

Но девушка уже протянула руку, коснувшись прохладного золотого замка на груди, и с усилием потянула пальцы, собираясь снять его.

Она могла отказаться от своего происхождения, от крови, от правды — ей было нужно лишь одно, чтобы бабушка осталась жива.

Молодой господин расы демонов протянул руку и принял замок. Стоило его пальцам коснуться древнего небольшого артефакта, как в глубине его глаз вспыхнула ярость.

Ни колебаний, ни жалости, ни малейшей капли человечности.

Резким движением он сжал руку, наотмашь перехватив шею бабушки Ван.

Разве могло хрупкое тело смертного выдержать силу демона?

Раздался тихий, до боли сердца раздирающий хруст.

Бабушка Ван не успела договорить даже последнее напутствие, ее голова безвольно склонилась набок, и дыхание полностью оборвалось.

— Бабушка — !

Хуа Чжао испустила раздирающий душу вопль, рухнув на колени, а перед ее глазами все заволочло черной пеленой.

У Цин У от гнева едва не лопнули глаза, ее духовная сила бушевала безумным потоком:

— Ты должен умереть!

Гу Юньхао выхватил меч из ножен, клинок обагрился кровью.

Су Цинъя сложила печати заклинаний, и столпы духовного света взметнулись в небеса.

Вэнь Чжиюй с заплаканными глазами и изо всех сил исторгаемой духовной силой встала перед Хуа Чжао.

Все пятеро сошли с ума, бросившись в атаку, но молодой господин расы демонов лишь небрежно взмахнул рукой, и бушующая демоническая Ци, подобно гигантской волне, отбросила их всех назад.

— Самонадеянно.

Он поиграл в руке золотым замком, холодно усмехнулся, развернулся, разорвал пространство и мгновенно исчез на прежнем месте.

В воздухе осталась висеть лишь ледяная фраза, растворенная ветром:

— Хочешь вернуть замок — явись в Царство Демонов за ним.

Хуа Чжао стояла на коленях, крепко прижимая к себе еще не остывшее тело бабушки Ван, а слезы безудержным потоком капали на одежды старухи.

Все тепло, вся безмятежность и весь человеческий уют этого пути в одно мгновение рассыпались в прах.

Они со слезами предали земле тело бабушки Ван: холмик сырой земли и пучок зеленой травы стали последним приютом для старухи.

Хуа Чжао долго стояла на коленях перед могилой, не поднимаясь, а некогда мягкое и теплое выражение в ее глазах постепенно вытеснялось пронзительной печалью, яростью и решимостью.

С этой минуты все земные радости обратились в давний сон.

С этой минуты на ее пути лежали лишь месть и искупление.

Пятеро мчались по следам демонической Ци, день и ночь не позволяя себе ни мгновения отдыха.

Чем дальше они продвигались, тем темнее становился мир, тем ледянее делался воздух, трава увядала, земля растрескивалась и чернела, и даже ветер звучал с пронзительным плачем, словно сама природа содрогалась перед лицом грядущей катастрофы.

Наконец они достигли границ Царства Демонов.

Здесь клубились черные тучи, застилая солнце и небо, небесный свод приобрел зловещий лиловый оттенок, а в воздухе стоял тяжелый смрад крови и гниения. Вдали возвышались черные высокие дворцы демонов, их острые шпили протыкали облака, источая мрачное величие. Земля была испещрена трещинами, из которых непрерывно поднималась черная демоническая Ци, причинявшая нестерпимую боль при малейшем касании.

— Мы в Царстве Демонов, — понизив голос, произнесла Цин У с тяжелым выражением лица. — Здесь чудовищная концентрация демонической Ци и усиленная стража. Мы обязаны подавить любую духовную энергию и проскользнуть скрытно — если нас обнаружат, мы обречены на гибель.

Все пятеро затаили дыхание, сведя собственную духовную энергию к едва заметному мерцанию, и под прикрытием густого черного тумана постепенно смешались с гущей Царства Демонов.

По пути то и дело попадались патрули демонических солдат в ледяных доспехах и с лютыми взглядами, в воздухе висел едва уловимый привкус крови, от которого леденела кровь. Время до времени издалека доносились пронзительные крики, заставлявшие волосы вставать дыбом.

Молодой господин расы демонов уже доставил золотой замок во дворец, вознеся его на алтарь в тайной комнате, и дни напролет насыщал его демонической Ци, пытаясь силой взломать секрет древней крови.

Они пробирались тайком, тщательно избегая отрядов патрульных демонов, и с большим трудом подобрались к тайной комнате, как вдруг под их ногами внезапно вспыхнули черные руны.

— Вум...

Защитный барьер был потревожен!

Пронзительный звон демонических колокольчиков мгновенно прокатился по округе, такой резкий, что от него закружилась голова.

— Кто-то прорвался!

Бесчисленные демонические солдаты со всех сторон хлынули сплошным потоком, оцетинившись лесом клинков и копий, вмиг окружив пятерых плотным кольцом.

Давящая мощь демонической Ци парализовала их силы, заклинания застряли в жилах, и через мгновение они уже были опутаны черными тяжелыми цепями и конвоированы в глубокое подземелье.

Темница Царства Демонов была сырой и мрачной, черные каменные стены покрывал скользкий налет, а повсюду виднелись следы старой крови. Воздух пропитался запахами запекшейся крови, гнили и мучительной боли. Волочащиеся по земле цепи издавали мерзкий металлический скрежет.

Каждые несколько шагов попадались клетки.

В них томились заклинатели, смертные и даже демонические существа — все сплошь покрытые ранами и дышащие на ладан.

Пронзительные вопли, жалобные стоны, сухой треск ударов кнутов о плоть, брань и окрики стражников... всё это звучало повсюду, леденя душу.

Некоторые сходили с ума под воздействием демонической Ци, другие давно испустили дух, и их тела валялись по углам без всякого ухода.

Это место было истинным адом на земле.

Пятерых бросили в самую глубокую камеру, где ледяные цепи накрепко сковали их конечности, а демоническая Ци неустанно разъедала меридианы, почти полностью запечатав их духовную силу.

Замок похищен, товарищи в ловушке, и в этом тупике безысходность постепенно поглощала рассудок.

Когда отчаяние достигло предела, из угла подземелья донеслись легчайшие, предельно осторожные шаги.

Это был ребенок расы демонов лет семи-восьми, одетый в потрепанные тряпичные одежды, с чистыми глазами, еще не запятнанными демонической Ци до конца — в глубине его души теплилась искра не угасшей человечности. Он привык к жестокости в Царстве Демонов, но так и не очерствел душой.

Глядя на раны путников, он с нескрываемым сочувствием подошел к железным прутьям и прошептал тонюсеньким, но отчетливым голосом:

— Бегите скорее... Ночью смена стражи идет слабее всего, я принесу вам ключи... Молодой господин заперся на алтаре, сейчас единственный шанс...

Этой же ночью ребенок действительно тайком принес ключи и украдкой указал им тайный путь, ведущий к алтарю.

— Замок там наверху... Забирайте свое и убирайтесь...

В сердцах всех пятерых разлилось тепло, они тихо поблагодарили мальчика и по тайному ходу бесшумно пробрались к алтарю.

В полумраке тот самый золотой замок, что сопровождал Хуа Чжао с младенчества, парил в самом центре алтаря, излучая слабое мерцание, словно поджидая ее возвращения.

Сердце Хуа Чжао сжалось, и она протянула руку, намереваясь вернуть его.

Но в ту самую секунду, как ее пальцы коснулись замка...

— Дерзко!

Яростный крик разорвал воздух.

Молодой господин расы демонов уже поджидал их здесь, и со всех сторон мгновенно сомкнулись ряды демонических солдат, источая чудовищную жажду убийства.

Он стоял на высокой платформе, уголки его губ искривились в жестокой улыбке, а голос сочился ледяным холодом:

— Сметь заявиться в мое Царство Демонов — сегодня никто из вас не уйдет отсюда живым!

В тайной комнате демонические солдаты валились валом, а демоническая Ци заполонила все вокруг.

Цин У, Гу Юньхао, Су Цинъя и Вэнь Чжиюй, повинуясь инстинктам, мгновенно заслонили Хуа Чжао в самом центре, выплескивая последние остатки духовной энергии.

Но это было сердце Царство Демонов — демонические воины здесь были бесконечны, а сила молодого господина казалась непостижимой.

Прошло всего мгновение, как все они были сплошь покрыты ранами, а духовная сила почти иссякла.

Цин У выплюнула кровь, но продолжала изо всех сил заслонять Хуа Чжао, не отступая ни на шаг.

Клинок Гу Юньхао раскололся, рука сочилась кровью, а дыхание сбилось.

Печати Су Цинъя рассыпались, бледное лицо качалось от малейшего дуновения.

Вэнь Чжюй потеряла всю силу и осела на землю, но все еще широко раскрытыми красными глазами защищала товарищей.

Хуа Чжао, укрытая в самом центре, глядя, как один за другим падают ее близкие, и видя скалящихся в ухмылках демонических солдат, чувствовала, как горечь, гнев и отчаяние одновременно заливают ее изнутри.

Она не сводила глаз с золотого замка в руках молодого господина, а слезы пополам с кровью катились по ее щекам.

— Почему... Почему вы стремитесь истребить всех до единого...

Молодой господин запрокинул голову и безумно расхохотался, демоническая Ци вздымалась вокруг него, а в глазах читались безумное упрямство и амбиции.

— Вы думаете, я жажду лишь подавить твою кровь? Мне нужна вся Поднебесная целиком!

Его голос звенел жестокостью и безумием:

— Моя раса демонов томила в лишенном света Царстве Демонов бесчисленные эпохи, не видя солнца. Я хочу добыть для своего народа просторные земли, чтобы мои демоны ступили на мирные земли! Пусть я жесток, пусть мой нрав своенравен, пусть ради цели придется пожертвовать целым кланом, залить землю кровью и обречь живых на гибель — я никогда не отступлю!

Его нисколько не волновали ни жизни подчиненных солдат, ни судьба простых людей.

В его глазах все вокруг были лишь пешками на пути к великой гегемонии, годными лишь на то, чтобы отбросить их после использования.

Каждый, кто встанет у него на пути, должен умереть.

— Но твоя древняя кровь от природы — главный враг великого плана моей расы! Пока ты жива, мои грандиозные замыслы никогда не осуществятся!

Демоническая Ци на ладони молодого господина безумно сконцентрировалась, неся смертоносную бурю: — Поэтому сегодня вы все обязаны умереть здесь!

Он поднял руку, намереваясь единым ударом стереть их с лица земли.

В самый критический момент Хуа Чжао собрала остатки сил и истошно закричала:

— Я не согласна — !

Вум—————□□□

Оглушительный звон, потрясший небеса, разразился внезапно!

Золотой замок в руках молодого господина вырвался из его хватки, взмыл в воздух и надежно завис над головой Хуа Чжао!

В следующую секунду мириады ослепительных лучей золотого света взорвались, озарив всю тайную комнату Царства Демонов — священные и величественные, они не терпели никакого посягательства!

Золотой свет в мгновение ока подавил всю демоническую Ци на арене!

Все демонические воины замерли на местах, не в силах шевельнуться, с ужасом на лицах.

Молодой господин тоже был с силой отброшен золотым светом назад, а на его лице отразился испуг:

— Это... сила крови древности... Как такое возможно...

Среди золотого сияния золотой замок медленно опустился на грудь Хуа Чжао, согревая ее тело мягким теплом и защищая со всех сторон.

— Бежим!

Цин У из последних сил сорвала голос.

Все пятеро больше не колебались: под прикрытием золотого света они прорвали окружение и бросились бежать изо всех сил.

Позади раздавался полный яростного искажения рев молодого господина демонов, а впереди лежала дарованная им вновь тропинка к жизни.

Они бежали без оглядки, пока полностью не пересекли границу Царства Демонов и золотое свечение не начало медленно угасать.

Все рухнули на землю — тяжело раненные, харкающие кровью, изнуренные до предела, но все же — выжившие.

Хуа Чжао опустила взгляд на успокоившийся золотой замок у себя на груди, и слезы бесшумно покатались по щекам.

Мечь за бабушку, раны товарищей, загадка происхождения, тайна крови...

И безумные, фанатичные амбиции молодого господина демонов...

Все это в этот самый миг зажгло в ее сердце неугасимый огонь.

В глубине Царства Демонов молодой господин, раненый золотым светом, медленно поднялся на ноги и стер тыльной стороной ладони кровь с губ.

<http://bllate.org/book/20121/1989473>